

18+ ЧЕТЫРЕ
СЕЗОНА ЛИСЫ

Денис.К

Денис Книшман

Четыре сезона Лисы

<https://litres.ru/74370297>

ISBN 9785007102179

Аннотация

Сломленные люди ищут подобных себе, чтобы залечить раны в близости любимых. Сбежав из рабства, зверолодка Нита искала спасения для себя и дочери, а нашла дом. Отшельник Рудольф хотел укрыть их от смерти, но в итоге был спасен сам. И пускай пройдет время, прежде чем проклятый меч навсегда повиснет на стене. Главное, что даже после самой жестокой зимы обязательно наступит теплое лето.

Содержание

Четыре Сезона Лисы	5
Осень	5
Зима	33
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Четыре сезона Лисы

Денис Книшман

© Денис Книшман, 2026

ISBN 978-5-0071-0217-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Четыре Сезона Лисы

Осень

Дождь, призванный скрыть их побег, на деле обернулся худшим врагом. Предательски погода сменила милость на гнев, обрушив всю силу грозы на непокрытые головы. Тяжелые капли успешно мешали как беглянкам, так и их преследователям. Следы смывались за секунды замедляя следопытов. Однако и самим бывшим рабыням приходилось пробираться в слепую через стену воды.

Подол тонкой льняной туники давно покрылся сгустками грязи и листвы. Сама ткань, прибавив в весе, прилипала к телу. Нита с трудом перебирала босыми ногами с отмороженными пальцами. Ее знобило от холода, острые зубки стучали друг о друга.

Онемевшей рукой девушка прижимала к груди дочку. Тонкое и проеденное молью одеяло давало лишь мнимую защиту от кусачего холода. Девочка прижималась всем телом к матери, стараясь инстинктивно согреться. Жаль, тщетно.

Сквозь колючие деревья с ветками тверже стали, Нита, лисица зверолод, прокладывала путь. Давно потеряв ориентиры, сейчас ее гнали звуки преследователей. Лай собак,

приглушённый шумом дождя и завывающего ветра, возгласы обозленных стражников, винящих ее в необходимости шататься по лесу ночью.

— Мамочка, мне холодно, — пожаловалась Кая дрожащим голосом.

— Скоро, дочка, скоро согреемся, — соврала девушка, оглядываясь, ища возможные тропы или огни близлежащих деревень.

Дождь только усиливался, деревья стремились усложнить путь, преграждая проход корявыми ветками. Позади горели светильники охотников. Спеша поскорее оторваться, Нита оступилась и подвернула лодыжку.

Скользкая, покрытая опавшими листьями земля поехала под ступней. Извернувшись во время падения, Нита упала навзничь, защитив дочку от удара. Прикрытая супом из опавших листьев и грязи коряга разодрала тунику, полоснув Ниту по бедру. Красное пятно начало расползаться ниже талии. Попытка опереться на ногу отозвалась резкой отупляющей болью.

Теперь шансов на спасение осталось еще меньше. Кая захныкала, будто ощущая отчаянье матери. Из под спутанных мокрых рыжих волос, зеленые глаза Ниты метались в поисках спасения. Она отказывалась сдаваться. Ради Каи, ей нужно спастись любой ценой.

Толстое дерево росло в метре от беглянок. Вековые корни, слишком большие, что бы помещаться под землей, вырыва-

лись наружу, образуя подобие арки. Земля и мох, поросшие поверх, сформировали нору, относительно сухую и теплую. Стиснув зубы, с прижатыми лисьими ушами к затылку, Нита тянула себя, отталкиваясь здоровой ногой и подтягиваясь свободной от Каи рукой, впиваясь пальцами в сырую почву.

Расстояние сокращалось не охотно. Почва скользила под животом, только усугубляя ситуацию. Спустя тянувшиеся вечность минуты, Нита все же свернулась клубком в норе.

Обычно пушистый, а сейчас промокший до основания хвост обкрутил ее и Дочурку. Поглаживая показавшуюся бурю макушку с такими же бурыми ушами, Нита бормотала что-то успокаивающее. Лишившись теперь возможности бежать, ей хотелось выть от ужаса. Надежда дожить до утра таля на глазах.

Голоса становились громче и теперь различимы. Мужские, хриплые и от части знакомые.

— Куда эта тварь пропала? — вопрошал сам себя один из них.

Ему вторил второй голос:

— Да небось подохла уже где. Зря только зад себе морозим.

Третий голос требовательно приказал им молчать:

— Если даже подохла, нам без ее шкуры головы не видать. Ищите, ублюдки!

Собаки лаяли. Скорее всего, протестуя условиям охоты.

Повинуясь зову материнского инстинкта, Нита ощупыва-

ла темную пещеру. Пальцы находили только грязь и камни. Ничего пригодного, для защиты дочери. Острый кончик уколол палец. Отломанная ветка железного дерева оказалась на расстоянии вытянутой руки.

Нита сжала до побелевших костяшек пальцев заостренную палку. Раз местные деревья достаточно крепки, что бы ранить ее, сумеют навредить и другим.

— Да хрен мы ее найдем, — заладил один из голосов.

Голоса звучали громче, совсем близко от входа в нору. Острый слух лисьих ушей на макушке легко определял расстояние. Еще пара шагов, и один из них может заметить смазанную линию до корней.

— Собаки даже запах поймать не могут.

Прогремел гром, сверкнула молния. Кая всхлипнула:

— Мамочка!

Материнская рука прошла по спине. Нита боялась даже вздохнуть, не то что ответить дочери.

— Ладно, хорош, — сдался ведущий охотник, — нам тут самим сгинуть таким макаром как нехрен делать. Давайте, мужики, обратно.

— А лорд? — промямлил один из них.

— Пусть лучше мне голову отрубят, чем я от холода как собака подохну, — каркнул охотник.

Чавкающие звуки сапог затихали, по мере отдаления мужчин. Постепенно Нита уже не могла сосчитать количество ног, а после и вовсе услышать грубые голоса. Стоило вздох-

нуть как тело откликнулось болью.

— Мамочка, из тебя идет красная водичка, — пожаловалась Кая.

Рана продолжала кровоточить все это время. Лодыжка, кажется, опухла. Нита издала вой, уже неспособная себя сдерживать. Неужели духи настолько обозлены ее родом, что желают видеть их смерть? Лиса опустила глаза, борясь с желанием отдаться сну. Закрыть веки на холоде означает смерть. Хотя в чем разница? Их и так ждет смерть.

Незнакомая пара сапог, отличная от типичной обуви ловцов зверолодей, прокладывала себе путь прямо к укрытию. Нита уже не боялась. Возможно, стоило сдаться, так хотя бы Кая имела шанс увидеть рассвет.

Темная фигура остановилась прямо перед норой. Сверкнувшая молния отбросила тень крупного человека, смотревшего лицом прямо в направлении смазанного следа. Поднимаемая брызги, ноги приблизились к ним. Фигура наклонилась, и теперь закрытое лицо смотрело прямо в темноту корней.

Мужчину покрывала куртка из медвежьей шкуры. Лицо скрывала плотная ткань. Только два карих глаза смотрели прямо на Ниту и дрожащий комок в ее руках. Грубая рука в перчатке поправила висящий за плечом арбалет и открыла лицо. Щетинистое мужское лицо. Он провел взглядом по ноге и на уже бордовую землю рядом.

— Ты ранена.

Речь звучала отрывисто и четко. Однако спокойный голос

оставался приятным и даже мелодичным.

— Пойдем со мной, — приказал мужчина, выпрямляясь.

Нита не шевелилась, борясь со страхом перед человеком и одновременно желанием ухватиться за малейший шанс на спасение. Она была совершенно безоружна и ранена с ребенком на руках. Этот человек мог сделать с ней все что хотел, а по ее опыту желания людей оставались далеки от добрых.

Ноги в проеме отошли назад. Через боль девушка выползла из укрытия. Ливень хлынул ей на глаза. Человек оценил ее движения и сделал несколько шагов навстречу, протянув руку.

Оскалив зубы, Нита зашипела, готовая вложить все оставшиеся силы в защиту ребенка. Ветка в руке взметнулась, грозясь покалечить охотника.

— Ты не можешь идти, — разъяснил незнакомец, — я понесу тебя.

Не дожидаясь ответа, он подхватил ее на руки. Нежно обогнув спину и другой рукой подхватив ноги, мужчина понес ее не спешным шагом. Когда он делал слишком резкое движение, Нита скулила от боли. Незнакомец начал замедлять шаг. Его глаза все время поглядывали на ношу, убеждаясь, что она в сознании. Кая лежала на животе матери, вцепившись руками в тунику. У Ниты не осталось сил сопротивляться. Девушка потеряла слишком много крови. Пальцы разжались, роняя ее деревянное орудие. Обессиленная и изможденная, зверолоудка закрыла глаза, готовая к тому, что

больше никогда их не откроет.

Привыкшая к чуткому сну, Нита мигом открыла глаза и села на кровати. Ногу пронзила резкая боль, заставив лечь обратно. Над головой сходились идеально ровным рисунком бревна. Свод потолка укрепляли идущие наискосок дополнительные перекладины. Кровать, на которой лежала девушка, показалась ей настолько непривычно мягкой, что казалось, она проваливается в перину. Толстое одеяло из плотной шкуры успокаивающе согревало.

Рука скользнула по ране и нащупала ткань. Под покрывалом бедро и лодыжка оказались забинтованы. Неуклюже толстые бинты лежали плотным слоем. Судя по запаху, который Нита ощущала своим не человеческим обонянием, раны обработали лечебными смесями. Рваная рабская одежда отсутствовала.

— Мамочка! — взвизгнула Кая, бросаясь на кровать.

— Осторожно, — ласково попросила Нита, сжав зубы от боли.

Бурый пушистый хвост девочки вилял из стороны в сторону. Личико светилось от радости. Ушки стояли солдатиками из под бурой короткой шевелюры. Кая уселась поудобнее возле матери, прижав лицо к слабой руке.

Вместо тряпочной одежды и полотенца на ребенке висел вязанный свитер, который был ей чересчур велик. Ладшки терялись в широких рукавах, да и сама девочка походила на

шерстяной ком с головой. В руке Кая сжимала деревянную фигурку.

— Рудольф сказал, ты должна отдохнуть, — с серьезным тоном, на который способны только дети, Кая сообщила матери. — Вечером он придет с икоты.

— Рудольф... тот высокий человек?

— Да! Высокий дядя. Он добрый. Починил ногу, пока ты спала.

— И ушел на охоту? — переспросила Нита, не уверенная до конца, в сознании ли она вообще.

— Нет, — уверенно настояла Кая. — Икоту. Может, он икает и пошел прогнать ее?

— Может быть, — со смешком согласилась лиса, решив не разрушать воображение ребенка. — Ты в порядке? — Обеспокоено Нита изучила свою дочь.

— Ага, — кивнула девочка. — Только боялась за тебя.

Нита не смогла сдержать улыбку.

— Все хорошо, радость моя. Мне лучше.

— Спи. Рудольф сказал, тебе надо спать, — снова настойчиво прошептала Кая.

— Хорошо. Мама сейчас поспит. Только не уходи далеко, ладно? — Нита уже начала проваливаться в сон против своей воли.

— Хорошо, мамочка. — Кая свернулась калачиком рядышком, чувствуя себя лучше, ощущая материнское тепло.

Следующее пробуждение оказалось менее приятным. Нита ощутила грубые руки на своем бедре. К сожалению, за прошедшие годы ей доводилось просыпаться от подобного, и повод стабильно оставался нехорошим. Через щелку век она следила за силуэтом, вероятнее всего, Рудольфа, обрабатывающего ее раны.

Теперь Нита могла разглядеть своего спасителя. Голову покрывали короткие жесткие волосы. Обычный белокожий мужчина без особых черт. Выделялись разве что шрамы на щеке, шее и руках. Да и те, типичные для охотников. Белая хлопковая рубашка висела на широких плечах. Глаза оставались сосредоточенными на работе. Хоть и не умеючи, Рудольф проявлял знание дела в медицине. Старые повязки лежали рядом, а новые он только что отрезал ножом.

Инстинкты требовали не верить в доброту лесника. Опыт научил Ниту не ждать ничего хорошего от людей. Сейчас он залечивает ее раны, но сам факт, что Нита лежит обнаженная, раненая и беззащитная, уповая на доброту своего спасителя, ей не нравился.

— Почти закончил, — сообщил охотник. Как бы невзначай выдавая свою осведомленность о ее слежке. — Извини за одежду. Старая не подлежала ремонту.

Рудольф закончил возиться с травмой и отвернулся, отказываясь смотреть на неприкрытое тело.

— Платье лежит на кровати, если можешь встать. Ужин будет скоро готов.

С этими словами охотник встал и направился к камину.

Вся изба состояла из одной комнаты. Но достаточно просторной, дабы разместить все необходимое, не создавая ощущения тесноты. Кроме кровати у окна, за которым сейчас бушевала та же самая или новая буря, взгляд притягивал камин. Большой каменный, с закопчёнными стенами и чугунным котлом над горящим огнем. У стены стоял шкаф с парой сундуков. На разделочной доске, в углу служившем судя по посуде кухней лежал свежий кусок мяса. В животе Ниты заурчало.

Пол покрывал ручной работы ковер. Для отшельника или лесника, Рудольф жил довольно не плохо.

Как раз в центре играла в куклы Кая. В ее руках виляла деревянная игрушка. Кажется, лошадь, выстроганная из дерева. Идиллия ситуации пугала Ниту хуже любого зверя.

Преодолевая усталость, Нита потянулась за одеждой. Ей совершенно не хотелось продолжать прятаться за одеялом. Пускай и ласкающим ее непривыкшую к комфорту кожу. Платье оказалось как раз. Простое черное с узором в виде голубых цветов. Ниже талии, Рудольф, вырезал и неровно сшил отверстие. Рыжий пушистый хвост проскользнул через него и свободно взметнулся в воздух. Рабские одежды не предлагали такого комфорта. Требуя постоянно держать хвост поджатым, что приводило к болям в спине.

Кая тоже нарядилась в красное платье, теперь почти ее размера.

Приложив все усилия, Нита поднялась с кровати. Попытка встать на больную ногу полным весом, принесла невозможную боль. Ковыляя как подбитая птица, девушка прошла к центру комнаты, погладила дочь по голове. Кая, увлеченная игрой, кажется, даже не заметила мать. Вообще она вела себя довольно спокойно.

Рудольф расставил на столе миски, рядом с ломтями хлеба. Вычерпнув в каждую из них солидную порцию супа с щедро плавающими внутри кусками мяса. Суровые глаза скользнули по Ните. Убедившись в ее способности передвигаться, Рудольф снова отвел взгляд. Он вообще старался не смотреть на нее. Видимо, его отвращение к зверолодям мешало контакту. Впрочем, тогда причина помощи Ните оставалась еще менее понятна.

Принюхавшись, Кая вскочила с места и бросилась к табурету. Пришлось проявить ловкость, так как табурет был почти ростом с нее саму. Но девочка не сдалась и, очутившись лицом на уровне стола, принялась черпать ложкой жидкость, держа прибор в кулачке.

Шерсть на хвосте Ниты встала дыбом. Ее дочь села за один стол с хозяином и без приглашения. В замке за такое ее в лучшем случае выпорят.

Вопреки ожиданию Ниты, Рудольф будто и не заметил нахальства. Мужчина поднес свою ложку ко рту и остановился на пол пути, обратив взгляд на гостью.

— Не уважаешь меня? — спросил охотник, подкармливая

панику девушки.

— Прошу прощения! Моя дочь не хотела обидеть вас! Просто мы не ели несколько дней, потому она без разрешения села. Кая! Быстро отойди от стола!

Оба, охотник и девочка, озадачено переглянулись и посмотрели на Ниту.

— Я имел в виду тебя. — Ложка вернулась к миске, и Рудольф сложил руки на груди. — Почему ты не садишься за стол?

— Такие, как мы... низшие, не едят вместе с господами. Я подожду, пока вы закончите трапезу, и доем, что вы соизволите оставить. — Опустив голову к ногам, Нита держалась из последних сил, что бы не упасть посреди комнаты.

Рудольф продолжил сидеть с каменным лицом, скрестив руки.

Тяжело вздохнув, отшельник покачал головой.

— Пока не присоеди́нишься ко мне, я не буду есть, — сообщил он.

Опасаясь худшего, не зная чего ожидать, Нита присела рядом с дочерью. Только после того, как под бдительным взглядом Рудольфа ложка пропала между губ, он тоже вернулся к трапезе.

Суп показался божественным, а хлеб самым вкусным на свете. Беглянки не ели несколько дней, если брать отчет последние ночи в замке. Ложка начала крестить глиняное дно. Стыдливо Нита отложила прибор в сторону. Без лишних во-

просов Рудольф наполнил тарелку вновь, стараясь не придавать значения тому, с каким аппетитом Нита опустошила первую.

Тыча пальцем в свой набухший живот, Кая развалилась на полу. Кажется, первый раз в жизни девочка наелась досыта, и это печалило Ниту, вызывая беспомощный гнев и стыд. Сама же раненая снова очутилась под одеялом. Рудольф отнес ее после неудачной попытки Ниты доковылять самостоятельно.

Мускулистые руки отшельника касались ее аккуратно, с уважением. Обычно мужчины в положении Рудольфа не отказывали себе в обратном. Теперь, под мягким покрывалом, согреваемая камином и полным сытым желудком, Нита снова засыпала. Тело требовало отдыха, залечивая раны.

Стол очистился от посуды, и охотник занял место у изголовья. В одной руке он сжимал кусок дерева, а в другой большой охотничий нож. Судя по тому, насколько ловко Рудольф орудовал лезвием, не оставалось сомнения в его профессии. С куда большей прытью, чем он заматывал раны, лезвие заскользило, срезая опилки и заполняя стол стружками.

Узнав занятие своего защитника, Кая вскочила с ковра и забралась на табурет. Уперевшись на коленки и уткнув ладошки в стол, девочка зачаровано смотрела, как охотник придает форму, куску древесины. Почувствовав присутствие аудитории, Рудольф замедлил темп и теперь делал более медленные, плавные движения.

— Это птичка? — спросила Кая.

— Нет. — Коротко промычал охотник.

— Это рыбка? — подумав, Кая снова задала вопрос.

— Нет.

— Это птичка?! — Неуверенно повторила девочка.

— Ты уже спрашивала меня, — Рудольф не сбавлял темп работы.

— А вот и нет, — с детской непосредственностью и без злого умысла, соврала она.

— Если будешь обманывать, перестану делать игрушки, — пригрозил охотник. Совершенно не намериваясь останавливаться.

— Нет! Прости! — Носик шмыгнул от досады. — Криволапке нужны друзья.

Она поставила вырезанную лошадь на стол и принялась двигать ее, изображая языком цоканье копыт.

— Криволапка? — Не срезанная до конца, закрученная спиралью стружка, так и висела под острием ножа.

— У нее одна лапка короче, — пояснила Кая.

— Хм... Я могу починить. — Отложив деревяшку, мозолистая рука потянулась к игрушке.

— Нет! — Кая быстро убрала лошадку со стола. Ручки прижали игрушку к груди, — не трогай Криволапку.

— Но ведь она сломана.

— Нет. Она не идеальная, но от этого только лучше.

Забрав руку обратно, Рудольф хило улыбнулся левым краешком губы.

— Как желаешь. — Лезвие сверкнуло срезая стружку. Продолжая процесс создания новых друзей Криволапке.

На этом моменте Нита уже заснула. Но заснула с улыбкой. Настолько очаровательна была ее дочка минуту назад.

— Милая... просыпайся, — Нита легонько покачивала плечо дочери. — Вставай, родная моя.

Потирая глаза кулачками, девочка присела на кровати.

— Что-то случилось, мамочка?

— Нам пора. — Готовая бежать Нита уже закуталась в найденный плед.

Нога, как и бедро, перестали болеть уже прошлой ночью, но зверолюдка продолжала изображать слабость, на которую Рудольф, по-видимому, купился. Оставаться на милости незнакомого мужчины Нита не собиралась. Не для того она рискнула своей и дочерью жизнями.

— Куда? — принялась любопытствовать девочка. — Почему? Как же Рудольф?

— Он... потом найдет нас, — соврала Нита, стремясь скрыться до возвращения хозяина.

— Ты врешь, — без стеснения раскрыла план Кая.

— Послушай, — Нита стала на колени и взяла дочку за плечи. Зеленые глаза отразились в карих. — Рудольф чужой. Мы не можем доверять незнакомцам.

— Но ведь... но ведь... — Кая инстинктивно подчинялась давлению матери, но все же противилась. — ...он сделал мне

игрушки... Криволапку... Рудольф хороший, не как другие дяди.

— Милая моя, нельзя доверять кому-то только потому, что он дарит подарки.

Не уверенно девочка слезла с кровати и протянула матери руку:

— Хорошо.

В узелок вместилось не так много провизии. Кто знает, в скольких днях пути ближайшая деревня. Честно говоря, Нита ощущала некий груз на душе от кражи у своего спасителя. Помимо хлеба, воды и теплой одежды, Нита наскребла несколько серебряных монет, беспечно оставленных на столе.

Холод мигом защипал лицо, стоило ступить на порог. Кая уткнулась в ногу матери. Нита, сопротивляясь ветру, закрыла за собой дверь, и вдвоем они двинулись к деревьям.

Дождь, видимо, специально ожидал беглянок, как старый верный пес. Капли били по чувствительным ушам, стоило пройти несколько шагов. Привыкшая к трудным условиям, Кая не ныла, следуя примеру матери.

Хижина все больше и больше манила к себе. Сделав еще несколько шагов, Нита остановилась и оглянулась.

— Мамочка, может, вернемся домой. Там тепло.

Сознание рвалось на части. Перед глазами Нита видел картину где они снова лежат в норе или канаве, замерзая на смерть. Без шанса на спасение. Ее прошлый побег едва не

закончился для Каи смертью.

Нита нервно оглядывалась. Уютное жилище Рудольфа само по себе являлось полной противоположностью, холодным подвалам замка. Есть разница между риском, для спасения от неминуемой гибели, и глупой попыткой избежать возможной угрозы.

Почему-то она вспомнила глаза Рудольфа. Лишенные презрения или вождения. Смущенно... Да, именно. теперь она не сомневалась, смущенно отведенные глаза. При всем желании, Нита не могла вспомнить ни единого момента, где Рудольф проявил грубость по отношению в ней и Кае. Щеки загорелись от стыда. Если кто сейчас и следовал предрассудкам, то была она сама.

— Ладно, — понурила голову Нита, принимая свое поражение перед обстоятельствами.

Рудольфу даже не потребовалось присесть, распознавая миниатюрные следы идущие нога в ногу с более крупными. Судя по оставленной дорожке, спасенные им лисицы собирались убежать, но на пол пути обрели разум и решили вернуться.

Тень улыбки промелькнула на лице. Непривыкшие к ней мышцы быстро вернули угрюмую физиономию на место. Поправив тушу волка на плече, Рудольф не спеша перекрыл робкие углубления, своими богатырскими сапогами.

Внутри его встретила семейная идиллия. На своих двоих

Нита хозяйничала, привнося уют. Веник в ее руках работал куда лучше, чем у него самого. Пол выглядел чище, кровать застелена и покрыта покрывалом, о существовании которого Рудольф даже не догадывался. Вымытая посуда блестела, каждая ложка обрела свое место.

Незаметно даже для его охотничьих инстинктов Кая вынырнула из ниоткуда и стиснула ногу.

— Ты вернулся!

— Да, — без малейшей эмоции признал Рудольф. — Выглядит чисто, — он похвалил проделанную работу.

— Нужно же отплатить за гостеприимство. — Притворная улыбка на лице Ниты вызывала тошноту. Как натянутая маска, лишенная искренности.

— Спасибо. Я разделаю тушу. Можешь пока поставить котел?

— Конечно, — Переигрывая, Нита кивнула, скрестив пальцы за спиной и виляя хвостом.

Звери иногда подделывают язык тела, чтобы сбить с толку хищников или жертв. Так же поступают люди. На своем веку Рудольф научился читать язык тела, и сейчас вопреки ее дружелюбным словам в глаза Ниты поселился страх. Вместо своего характера, Нита изображала прислугу, следуя знакомым ей требованиям от хозяев.

— Тебе не нужно платить за доброту. — Хотел сказать охотник, но промолчал.

Не сразу, но Кая полюбила волчье мясо. По началу она

жаловалась, что хочет оленя. Наверное, первый раз Нита заметила такое поведение за своей дочерью. Страннее капризов от бывшей рабыни, не знавшей ничего вкуснее хлеба и мясной похлебки, было только наблюдать, как суровый заговорник, вместо того что бы шикнуть на наглую девочку, которая даже дочерью ему не являлась. Искренне уговаривал Каю попробовать новое, пускай и в своей не красноречивой манере.

— Нет! Олень мягкий и вкусный. А это, бе!

— Ты так же говорила по оленя. А до того про лосося. — Грубая рука пододвинула тарелку ближе к девочке. — Ешь.

— Не хочу! Хочу оленя.

— Если не будешь есть, волки придут и съедят тебя. — Нита сложила руки в клацающую пасть, где пальцы служили зубами.

Угроза подействовала сильнее, чем планировалось. Потому что Кая испугано посмотрела в окно и съёжилась на стуле.

— Не правда, — наконец сообщила она.

— Просто ешь, пока не испортилось. — Нита провела рукой по голове с прижатыми бурыми лисьими ушами.

Иногда юмор у судьбы и правда не здоровый. Чувствительные уши Ниты повернулись к источнику звука. Эхо волчьего воя легко проникало через стены. Взвизгнув, Кая, пушистой молнией метнулась на колени к матери. Ручки вцепились в мать, хвост скрутился у ножек. Нита утешала дочь обкрутив теплым рыжим хвостом.

— Не бойся, они не могут войти в дом, — пыталась она успокоить ребенка.

— А вдруг дверь будет открыта, — слышался дрожащий голос.

Личико вынырнуло, повернулось к дрожащей от ветра двери. В воображении Каи она уже видела рвущихся внутрь монстров. Открытые пасти с пеной. Глаза ищущие жертву.

— Волки никогда не зайдут в мой дом. — Рудольф продолжил со спокойным лицом поглощать трапезу будто ничего не случилось.

— Почему? — Ни капли не веря, Кая заглянула в глаза своего защитника.

— Волки боятся только монстров. А я самый страшный из них.

В полумраке лицо оставалось такими же спокойным как голос. Лишенный самолюбования или хвастовства голос скорее казался пристыженным.

— Пойдем — Рудольф протянул руку.

Кая слезла с матери и засеменила следом, сжимая одной рукой ладонь матери, а другой грубые пальцы Рудольфа. Втроем они подошли ближе. Рудольф глянул в поисках разрешения на Ниту. Та кивнула, веря что охотник не причинит вреда дочери.

Легонько взяв за подмышки, он подхватил девочку и подняв на руки, поднес к раме

— Смотри.

Приложив ладошки к быстро потеющему, холодному стеклу, Кая всматривалась во мрак ночи. Там, среди теней, сверкали желтые глаза. Волки ходили кругами, чувствуя запах. Будь то аромат мяса или лисиц. Но так или иначе не решались подойти ближе.

— Что бы не случилось — Рудольф шептал — пока вы со мной, нет той силы что навредит вам.

Без всякой тени сомнения, Нита поверила в эти слова. Поэтому что не меньше чем ее дочь она опасалась того что таится в потемках леса. Пускай не волков, а тех кто страшнее.

Иза дня в день, Нита все больше и больше погружалась в быт. Неловкость сошла на нет, уступив место привычке, смело занявшей свое почетное место. Каждое утро с восходом солнца Рудольф уходил на охоту. Возвращался отшельник только к позднему вечеру. Слаженная и предсказуемая жизнь позволяла Ните ощущать себя чуть спокойнее.

Ища занятие девушка принялась наводить порядок в избе. Задача оказалась куда более кропотливой, чем ожидалось. Пускай жилище оставалось не захламлённым, это не означало отсутствие лишних вещей как таковых. К примеру шкаф, забитый одеждой, которую кажется, никто сортировал годами. Часть лохмотьев, пускай когда-то и имели ценность, нынче рассыпались в руках. Сундуки тоже лопались от наваленного хлама.

Чувствуя необходимость отплатить за гостеприимство,

Нита робко уточнила, не желает ли хозяин позволить ей привести быт в порядок. Получив положительный ответ, зверюлька принялась за работу. Так можно было занять себя и Каю. Отвлекаясь от тревожных мыслей.

Под полом оказался прохладный склад. Полки трещали от груза множества стеклянных банок с запасами. Мешки с картошкой и зернами лежали рассортированные и с пометками. Пускай и не умеючи, Рудольф явно стремился к порядку.

Дело шло к зиме, и чем больше проходило дней, тем яснее становилась невозможность покинуть приют. Даже в светлые дни ледяной ветер стучал по стенам, проверяя их прочность. Дикие звери, как Рудольф и обещал, не решались зайти на территорию охотника. Пару раз Нита замечала светящиеся глаза в полумраке, или слышала вой. Но ни единожды хищники решались ступить лапой через низкий веточный забор.

— Но я не хочу спать, — сонным голосом Кая протестовала.

— Хорошо. Мы просто полежим и встанем, — пошла на хитрость Нита.

— Расскажи тогда сказку, — спокойнее попросила Кая.

— Сказку? — Нита присела рядом, свернув хвост. — А какую?

— Нет. Пусть Рудольф расскажет. — Пальчик указал на сидящего в углу охотника. Тот шевельнул плечами в жилетки из волчьей шкуры и поднял глаза. До сего момента он был увлечен заточкой своего кинжала.

— Кая, Рудольф был целый день на охоте и наверняка устал. Давай я лучше тебе расскажу что-нибудь из твоего любимого?

— Нет. — Снова завелась девочка. Она села на коленки и завиляла хвостом. Ушки торчали из под немного отросшей шевелюры.

С тех пор как девочка начала хорошо питаться, ее цвет лица стал румянее, а волосы расти с удвоенной силой. Не говоря о появившемся животике.

— Ну откуда ты у меня такая упрямая?

— Мне не сложно, — подал голос хозяин.

Кинжал звякнул по заточке и лег в сторону. Стараясь не наступить на лежащие на полу игрушки, Рудольф ловко переместился на кровать. Он неуверенно сел рядом на самый краешек, соблюдая дистанцию от Ниты.

— Только боюсь, я не знаю много историй, — признался охотник.

— Расскажи что-нибудь страшное, — попросила Кая, — про монстров!

— Хм, — Рудольф хмыкнул, потеряв щетинистый подбородок. — Страшное, говоришь? Это можно.

— Только не сильно страшное, — Нита взмолилась зелеными глазами. — Мне самой будет жутко спать, — решила она прикрыть свой истинный мотив перед Каей, которая уже собралась спорить.

— Ладно, — Рудольф замер в раздумьях, выуживая из па-

мяти подходящую историю. — Однажды я зашел в деревушку, далеко отсюда. Добрые люди жили там. Услышал я рассказы об духе злом, поселившемся в пещере.

Глазки Каи были широко раскрыты. Она лежала под одеялом, вцепившись в край своими ручками, внимая каждому слову.

— Беда заключалась в расположении пещеры. Близко от нее росли травы, нужные для изготовления целебной мази. Вот и решил я проверить, что в той пещере.

— И тебе не было страшно? — затаив дыхание, уточнила девочка.

— Было, — признался Рудольф без стыда. — Страх нет только у дураков. Но разве мой страх может быть важнее здоровья других?

— Нет, — согласилась Кая.

— Так вот. Подхожу к пещере и правда слышу жуткое заывание. Страшное, не похожее на зверя. Чем ближе подхожу, тем громче вой. И вот захожу в пещеру...

Кая тянула одеяло на глаза от страха.

— А там... — Рудольф нарочно выдерживал паузу. — ...медвежонок. — Закончил он рассказ на нелепой ноте.

— Медвежонок? — Кая сначала удивилась, а потом расхохоталась.

— Да, медвежонок. И из-за пещеры его вой казался страшным. Видимо, мать оставляла детеныша и шла на охоту, а он и выл от скуки или одиночества.

— И что ты сделал?

— Я... — Рудольф остановился, решив не сообщать правду насчет судьбы как матери, так и самого малыша. — Ничего не сделал. Ведь монстра оказалось и нет.

— Я бы взяла его домой. Мы бы играли, — мечтательно протянула Кая, устраиваясь поудобнее и уже проваливаясь в сон.

— Возможно, когда-нибудь и у тебя будет свой медведь. А теперь спать, — приказала Нита, до этого умиляющаяся реакции дочери.

— Спокойной ночи, мамочка... спокойной ночи, Рудольф. — Кая заклевала носом.

Приняв свой знак на отступление, Рудольф встал и, подняв по пути арбалет вместе с инструментами, скрылся за дверью.

Теперь уснуть не могла сама Нита. Она лежала в кровати, ощущая спокойное дыхание своей дочери. Осознавая, что та первый раз за всю свою жизнь живет как следует. Не голодает, боясь издать лишний звук. Не мерзнет в подвале, опасаясь болезни, лекарств от которой им не видать. Сытая жизнь, в теплой избе. Возможное будущее, и все же судьбы их обеих зависят только от доброй воли охотника. А разве имеет он причины продолжать кормить беглянок? Любая доброта имеет пределы. Да и Нита ни разу не обсуждала с ним вопрос времени. Вряд ли отшельник планировал приютить пожизненно мать с дитем. Да, он спас их, но ведь щедрость не

безгранична.

Опасаясь разбудить дочь, Нита выскользнула из-под одеяла. Снаружи было холодно, но она осталась в своей тонкой ночной рубашке. На ходу лиса сменила походку. Покачивая бедрами и нарочно извивая хвостом, зверолодка приоткрыла дверь. На бревне у тлеющего костра сидел Рудольф. С разложенным рядом кожным свертком, хранившем инструменты.

Небо сияло от звезд. Холодный воздух колот горло. Скоро может выпасть первый снег. Еще одна причина для Ниты сделать то, что она должна.

— Зайди домой, простудишься, — Рудольф ошеломил ее, проявив звериный слух. Без сомнения, он имел все навыки, что бы стать успешным охотником. Даже слишком успешным для человека.

— Позволишь составить компанию? — не естественным для себя сладким голосом пропела Нита.

Тембр голоса и интонация настолько резала слух, что охотник обернулся и смерил ее взглядом.

— Допустим.

Нита села рядом, заглядывая суровому отшельнику в глаза.

— Чинишь арбалет?

— Настраиваю. Тетива слегка сбилась. — Без особого интереса пробубнил тот.

— У тебя очень умелые руки, — продолжала лить мед

Нита. — Такие большие и сильные.

Неожиданно для него, она взялась обеими ладонями за бицепс Рудольфа. Ошеломленный охотник замер и снова удивленно посмотрел в глаза лисы.

— Я едва могу обхватить, — Нита прошептала вкрадчивым голосом, пока ее пальцы щупали руку Рудольфа. Она подвинулась ближе, почти в плотную, так что они ощущали дыхание друг друга.

— Что ты делаешь? — наконец спросил охотник, потерявшись в догадках.

— Ничего, — Нита подмигнула. Она двинула плечом, оголив его, а также углубив декольте. — Просто хочу уделить тебе время. В конце концов, ты так много для нас делаешь.

— Иди домой, — уже раздраженным голосом приказал он.

— Зачем? Давай лучше я помогу тебе согреться. Здесь так холодно. — Нита нагнулась, целясь губами в его.

Молниеносно охотник оказался в нескольких шагах от коистра. В его глазах был даже не гнев, а раздражение с разочарованием.

— Прояви достоинство, — прогремел бас, вспугнув несколько ночных птиц.

— Извини, — рассеяно лепетала Нита. — Я просто подумала... разве... все мужчины...

— Тот, кто пользуется чужой нуждой, не мужчина, — поэтично, несвойственно для себя, заключил Рудольф.

— Прошу, пожалуйста, не прогоняй нас на улицу. — Нита упала на колени. Земля морозила ноги, но она не обращала внимание.

— Думаешь, я выброшу дитя на мороз? — съязвил отшельник, смотря на нее сверху вниз с презрением. — Вернись в дом и согрейся. А то еще надо будет тебя лечить зимой.

Без лишних слов. Униженная и побежденная Нита с поджатым хвостом и ушами скрылась за теплыми стенами. Опустошённая, зверолюдка заползла под одеяло и прижала к груди Каю.

Убедившись, что он остался один, Рудольф тяжело вздохнул, вернулся на свое место и принялся поправлять сбитый прицел арбалета.

Зима

Кружась в воздухе, снежинка, вместе со своими братьями и сестрами, спикировала вниз. Едва коснувшись окна, она растаяла, оставив после себя влажную точку на стекле. Кая водила пальцем по стеклу, следуя за стекающей каплей с другой стороны.

— Если хочешь выйти на улицу, одевайся по теплее, — Нита захлопнула шубу.

Буря стихла с приходом снега. Лес закутался в белые одеяния, ознаменовав финальный аккорд в смене времен года. Уже порядком заскучав в заточении, Кая рвалась наружу. Девочка перепрыгивала в нетерпении с ноги на ногу, пока ее мать заматывала шарф. Проверив не проглядывает ли горло из под шарфа, Нита удовлетворенно чмокнула дочь в лоб. Дверь едва поддавалась, поднакопившийся сугроб на крыльце, мешал. Нита поднапряглась и надавила плечом. Стоило появиться мелкой щели, Кая взметнув хвостом прошмыгнула и была такова. Сделав несколько шагов в снегу, девочка остановилась, внимательно разглядывая сильно изменившийся двор. Следом за дочерью Нита вышла наружу. Нужно было набрать воды, очистить порог от снега, и много чего еще.

Невольно она перенеслась во времени. В минувшую зиму, во дворе лорда. Вечно влажные стены подвалов покрывались

инеем и ледяной коркой. Все слуги нелюди ютились в каменных катакомбах.

Не спуская края глаза с Каи, Нита подошла к колодцу. В ясный день как этот можно было увидеть воду на дне. Не до конца растаявший снег плавал в чистой рудниковой воде. Нита привязала веревку к ведру и придерживая двумя руками начала спускать его в низ.

Даже обычных рабов перемещали в теплые стены замка, однако им было суждено умирать от холода. Многие не доживали до весны. Особенно больные и хилые. Тяжелее всего давалось детям. Лишь благодаря удаче и добрым людям Кая сохранила жизнь. Украденные одеяла и теплую одежду отдавали именно самым маленьким.

Нита выдохнула и от губ отделилось облачко пара. Задумчиво лиса проводила его взглядом. Рядом на дереве щебетали две птички. Белые перья отлично скрывали их, и только красная грудка выделяла среди веток. Вербка начала тянуть, значит ведро набрало воды. Проверив прочность веревки Нита принялась вытягивать его.

Благодаря служанке, тащившей еду с кухни, Нита могла получать достаточно еды, что бы кормить молоком грудную дочь. Каждый раз Нита боялась что Кая не проснется. Она достаточно часто это видела. Как другие дети и не только дети засыпали, и больше уже никогда не открывали глаза.

Отвлеченная зверолоудка не заметила, как ее взяли в прицел, и снежок угодил прямо в спину, оставив мокрый след.

Ведро вывалилось и расплескало воду растопив снег.

— Попала! — восторженно завопила Кая, приготовив уже второй снежок.

— У меня много работы, дочка, мне... — второй снежок угодил Ните прямо в лицо, остановив на пол слове.

Видя, как ее мать отплевывается от снега и обескуражено протирает глаза, Кая разразилась звонким смехом.

— Ну все, — с азартом в глазах Нита оставила ведро и принялась сгребать снег руками.

Визжа, Кая нырнула за поваленное бревно у потухшего костра, пополняя свои боеприпасы. Собрав несколько снежков, девочка, нахмутив бровки выглянула и за своей баррикады, озираясь по сторонам. Ее мать пропала, оставив только пару следов у колодца.

Девочка, наострив свои лисьи ушки, осмотрелась и получила за неосмотрительность снежком по голове. Издав одновременно веселый и испуганный вопль, Кая повернулась к заставшей ее врасплох Ните и бросила, не целясь, снег.

Белый шарик ударил Ниту в подставленное плечо. Лисица извернулась, вздохнув хвостом, и кинула новый комок, целясь в ногу дочери. Та нырнула за бревно, защитившись от напасти.

Уставшие, они обе сидели у камина и грелись в уюте дома. Влажные следы на полу тянулись до камина. Промокшая до нитки верхняя одежда лежала расстеленная на ковре. Под

вечер Рудольф вернулся с охоты. Одновременно две головы наострив уши повернулись к скрипнувшей двери.

Рудольф стряхнул снег с ботинок на пороге и поспешил закрыть за собой дверь, что бы не выпускать тепло. Судя по пустым рукам, охота завершилась сегодня раньше времени и безуспешно.

— Все в порядке? Ты рано? — обеспокоенно поинтересовалась Нита.

Как и все последние дни, она метнулась к охотнику, желая помочь снять тяжелую шкуру и его арбалет. Рудольф позволил, после благодарно кивнул.

— Скоро будет буря, — сообщил отшельник, снимая перчатки и разминая пальцы.

Мужчина присел на ковер, подставив руки к огню. Кая, обычно рвавшаяся приветствовать своего лучшего друга, сейчас была слишком обессилена, но все равно присела поближе и облокотилась на охотника.

— Тяжелый день? — Рудольф опустил глаза за девочку.

— Мы слегка заигрались, — смущенно убирая волосы за ухо, признала девушка. — Я думала, у меня будет больше времени, привести хозяйство в порядок до твоего прихода.

Нита села с другой стороны Каи, поджав ноги.

— Не беда. Я позже займусь хозяйством. — Рудольф сжимал и разжимал онемевшие пальцы.

— Позволишь? — Нита подсела ближе. Ее хвост слегка подрагивал от неуверенности.

Она принялась массировать грубые пальцы Рудольфа, разгоняя кровь. Тепло ее ладоней вместе с умелыми движениями быстро вернули ощущение в кончиках пальцев охотника. По привычке отшельник не мог выдержать зрительного контакта, потому продолжал следить за огнем.

— Ты сказал, быть буре? — Нита попыталась разогнать неловкий момент светской беседой.

— Буран, — подтвердил он. — Скорее всего, продлиться несколько дней. После снова светлое небо.

— Интересно. А откуда ты знаешь? — Кая, не желая оставаться в стороне, влезла в разговор.

— Птицы. Утром они щебетали, сейчас нет. Звери, птицы, даже насекомые могут много что рассказать о погоде. Их чувства куда острее моих и даже ваших. — Рудольф освободил одну и рук и удовлетворенно смотрел на вернувшуюся гибкость в суставах. — Спасибо, — он поблагодарил Ниту. — Нужно освеживать зайцев, приготовить запасы.

— Сиди, — Нита вскочила с места, чувствуя себя уже совсем бесполезной. — Ты устал, я справлюсь.

— Уверена? — он уточнил.

— Конечно, — кивнула лиса, — отдыхай.

Предсказание Рудольфа сбылось в полной мере. Уже к вечеру метель принялась завывать, предостерегая любого от прогулки снаружи. Из подвала раздался голос.

— Рудольф, что из твоих запасов можно использовать?

— Все, что считаешь нужным. В рамках разумного, само

собой, — ответил, не поднимая век, охотник.

Одна из деревянных фигурок взлетела в воздух намереваясь закончить свой путь в огненной пасти камина, если бы не реакция Рудольфа. Отшельник выбросил руку и поймал деревянную птицу.

— Прости, — извинилась Кая, — просто злой волк слишком сильно ее ударил.

— Они сражаются? — Рудольф вернул девочке игрушку.

— Волк и медведь хотят забрать весь мед себе. — На полу и правда стояла банка с медом. Принесенная из подвала, и легкомысленно оставленная в досягаемости девочки.

— Волки не едят мед, — на всякий случай уточнил охотник. — Медведи тоже предпочитают мясо.

— А этот нет. — Кая села обратно в окружение своей армии, где разгорелась битва. — Теперь криволапке вместе с синичкой и зайцем нужно победить волка и медведя, или весь лес умрет с голоду. — От чрезмерно эмоциональной речи Кая глотала слова.

— И какова стратегия? — включился он в игру. Сел и сложил руки вместе.

— Стра-те-ги-я, — повторила Кая, — что это?

— План действий. — Рудольф встретился взглядом с Нитой, которая поднялась с погребя, удерживая овощи обеими руками.

Она улыбалась, давая разрешение продолжить.

— Когда идешь в бой, или просто на охоту, нужен план. —

Кая внимательно слушала, широко раскрыв глаза. Внимая каждому слову. — Медведь и волк сильнее твоих воинов?

— Наверное. — Кая не заходила так далеко. Ее детское воображение не интересовалось, несколько реально для птицы и грызуна победить хищника.

— Тогда стоит действовать по-хитрому. Например, пусть Волк и Медведь будут отвлечены Криволапкой, пока заяц и птица...

— Синичка, — требовательно поправила Кая.

— Синичка. Заяц и Синичка украдут мед обратно.

— И потом Волк придет и не найдет ничего, и будет дураком, — рассмеялась Кая.

— Да. — Рудольф удовлетворенно кивнул.

— А ты когда-нибудь сражался?

— Да.

— И тоже обманывал?

— Был случай. — Рудольф снова разлегся на стуле, прикрыв глаза.

— Расскажи! — Игрушки уже лежали забытые в стороне. Внимание девочки переключилось на рассказчика.

— Хорошо. — Рудольф снова сел ровно, уперев руки в колени. — Было то давно...

Рыжее ухо Ниты вслушивалось в каждое слово. Ей, если честно, и самой оставалось любопытно, кем же являлся Рудольф. Титул рыцаря объяснил бы многое. В том числе богатое убранство дома. Хотя разве не мог заслуженным рыцарь

получить землю в месте получше, чем чаща леса?

— Далеко отсюда, за много гор и полян. Стояла деревня. Обычна, мирная, населенная людьми. Крестьяне жили, не зная бед, пока рядом не решили обосноваться Орки.

Поежившись, Кая взяла в руки Криволапку. Сказки по кровожадных орков, жителей гор, были известны детям всех народов.

— Король приказал... защитить подданных, — смягчил указ короля Рудольф. — Отправив нас... рыцарей.

— Ты был рыцарем?! — недоверчиво спросила Кая.

— Да. В прочем не совсем. Я служил короне, но... не имел титула.

Получив ответ на свою догадку, а вместе с ним еще больше вопросов, Нита продолжила нарезать мясо, планируя добавить его в котел.

— Беда оказалась в том, что Орки обосновались за скалами. Туда нам путь оказался закрыт. А они могли без труда спускаться по желанию и... творить бесчинства.

— Но ты их побил, правильно?

— Мне рассказать всю историю или только конец? — с легкой и редкой для него улыбкой уточнил Рудольф.

— Прости. — Кая встала и подошла поближе.

Рудольф не сразу понял, что она хочет, но когда осознал, посадил дите на колено. Виляя хвостом, Кая хватала каждое слово.

— Пришлось импровизировать. — Рудольф почесал под-

бородок. — Мы устроили пир в деревне. Много еды и музыки. Орки не могли не воспользоваться случаем и решили напасть на незащищенных гуляющих. Только вот оказалось, то были мы, просто одетые как крестьяне.

— И тут вы их побили! — взорвалась Кая, чуть не упав назад. Рудольф поймал ее со спины и помог удержаться.

— Да. Можно сказать и так. После вождь сдался, и больше никто на ту деревню не нападал.

— Настоящий рыцарь! — Кая восторженно вздохнула.

— А почему ты больше не рыцарствуешь? — вдруг задала свой невинный вопрос Нита.

— Устал, — ознаменовав конец истории, Рудольф встал, предварительно поставив ребенка на ноги.

Ужин прошел в приподнятом настроении. Без усталости Кая пересказывала матери историю Рудольфа. Порой изменяя детали до неузнаваемости. Не мешая фантазии девочки, охотник с удовольствием поглощал пищу. К его молчанию примкнула и Нита. Только порой восклицая или уточняя детали, подбадривая Каю.

Буря утихомирилась, давай передышку. Уже соблюдая традицию, Нита уложила дочь спать, пожелав спокойной ночи. Без свечей хижина погружалась в темноту. Теперь стало отчетливо видно сидевшего снаружи Рудольфа.

Поцеловав дочь в лоб, от чего уже спящая Кая только поморщилась и повернулась на другой бок, Нита набросила на

себя несколько слоев одежды, прежде чем выйти наружу. Даже без холодного ветра вечер морозил до костей.

— Спасибо за ужин, — начал Рудольф с благодарности.

— Не стоит. Я пыталась восстановить рецепт моей матери. Получилось не как у нее, но весьма похоже. — Нита смахнула снег с палена и присела в метре от отшельника.

— Если у тебя вышло дурно, боюсь представить, насколько же хорош оригинал.

— Это шутка? — подняла бровь Нита с усмешкой. — Первый раз слышу от тебя юмор. Уж переживала, что ты лишился его в бою.

— Пытаюсь наверстать. После многих лет в одиночестве забываешь, как это. Говорить с живыми людьми.

— Рада, что могу составить компанию, — улыбнулась Нита.

— Когда закончится зима, я отведу вас в безопасное место, — уже в привычном тоне сообщил Рудольф.

— Спасибо.

Первый раз за все время Рудольф сообщил Ните свои планы на их счет. Ей стоило бы радоваться определенности будущего, но только, за прошедшие недели, ей стало так хорошо и спокойно. Сама идея бросить привычный уют ради дороги навевала уныние.

— Есть город, далеко отсюда. В десяти ночей пути. Им правит совет из Зверолюда, эльфа и человека. Я знаком с ними. Там вы будете в безопасности. Найдете себе занятие, Кая

сможет учиться и играть с другими детьми.

— Даже не знаю, что сказать, — выдохнула с натянутой улыбкой Нита, сдерживая дрожь в голосе.

Почему ей так обидно? Ведь Рудольф и так сделал столь много. Спас от холодной смерти, выходил раны, кормил и согревал. Просить большего да еще за даром полное бесстыдство. А все же сердце Ниты немного покалывало от обиды.

— Мир крайне жестокое место для свободного народа духов. Рад, что смог сделать его хоть немного лучше.

— Погоди, — слова Рудольфа кольнули в ухо. — Свободного народа? Никогда не слышала, что бы человек так нас называл.

— Возможно, я не обычный человек, — снова попробовал в юмор Рудольф. — В переводе, имя Нита, означает медведица. Верно? — С несвойственным для него азартом Рудольф подмигнул.

Нита удивленно смотрела на охотника, запутавшись еще сильнее.

— Откуда тебе известен наш язык?

— Я не всегда был охотником, — на ломаном, но все же верном языке зверолодей произнес Рудольф.

— Рыцарь... — пробормотала Нита. — Ты имел дело не только с Орками?

Отшельник не ответил на вопрос. Только лицо снова стало угрюмым.

— У всех есть прошлое, которого мы стыдимся. — Реши-

ла подбодрить лиса. — Жизнь мало к кому добра.

Ответом все еще оставалось молчание. Пристыженное, от которого силуэт охотника казался меньше.

Ощущая напряжение, Нита решила сменить тему.

— Звезды сегодня такие ясные. Видишь там? Похожее на веревку? То созвездие змеи. Дух змеи дал свободному народу воду, потому ручьи извиваются.

— Ты веришь в это? Что духи создали вас? Создали всех? — с робкой надеждой, не вписывающейся в образ, спросил Рудольф.

— Возможно. Если верить легендам, духи все еще здесь. Помогают, когда способны.

— Если так, то выходит у них скверно, — Рудольф сплюнул в сторону.

— Возможно, то духи привели тебя к нам, — осторожно предложила лисица. — Если подумать, каковы были на то шансы?

— Не велики, — согласился Рудольф.

— Видишь? Думаю, духи еще здесь. Помогают, когда могут.

— Можно вопрос? — перебил Рудольф. — Слегка бестактный.

— Думаю, после всего тебе просительна любая дерзость. — Нита поймала себя на том, насколько свободно общается с Рудольфом. Без страха и напряжения.

— Твоя дочь... Где ее отец?

В глаза Ниты что-то дрогнуло, но она сохранила самообладание.

— В замке, полагаю.

— Пленный?

— Нет. — Нита даже улыбнулось наивной догадке отшельника. — Он человек. Один из стражников.

Осознание ударило Рудольфа сильнее любого Орка.

— Прошу простить. Я не имел понятия.

— Не переживай. Откуда тебе было знать?

— Мог догадаться. Бурый цвет на хвосте и ушах обычно признак смешенной крови.

— Так бывает. — Нита старалась сохранить непринужденную улыбку. — Я люблю ее. Несмотря ни на что, Кая мое счастье. Я лишь жалею, что не могла дать ей жизнь получше.

— Она растет умной и доброй девочкой. С моей точки зрения, твоя работа как матери остается непревзойдённой.

— Спасибо, Рудольф — Нита широко зевнула оголив клычки. — Ой! — Пристыженно она прикрыла рот рукой. — Простите. Я, пожалуй, пойду спать.

— Сладких снов. Пусть дух совы подарит тебе сны, такие же прекрасные как ты сама. — пожелал охотник на наречии народа духов.

Поспешив в дом, Нита старалась скрыть румянец, выступивший у нее на щеках.

Пурга вернулась с двойной силой. Дав один вечер на пе-

редышку, погода сильно ухудшилась, заперев троих внутри избы. На третью ночь Нита исчерпала занятия для ребенка. Скучающая Кая без конца ныла, требуя внимания.

— Мне скучно. — В который раз Кая дернула мать за платье.

— У тебя целая гора игрушек. — Оторвавшись от шитья, Нита указала на беспорядок на полу. — Пойди поиграй с ними. Или убери их с пола.

— Поиграй со мной, — продолжала ныть Кая.

— У мамы много дел. — Нита пропустила иголку через штаны, пытаясь заделать дыру.

— Но мне скучно, — протестовала девочка.

Рудольф потянулся и встал с кровати. В отличие от Каи, охотник восстанавливал часы сна. Почти все время отшельник дремал, поднимаясь только что бы поесть и попить. Поэтому резкое пробуждение воспринималось как выход медведя из спячки.

— Давай сыграем в прятки, — пробасил охотник.

— Мы внутри, — Кая развела ручками, — где здесь прятаться? — укоризненно спросила она.

— Я могу спрятаться внутри, так что никто не найдет, — бросил вызов Рудольф.

— Не верю. — Кая сложила ручки на груди, напоминая свою мать.

— Если спрячусь, а ты не найдешь. Перестанешь помогать мать, — предложил отшельник, протянув руку.

Недоверчиво Кая пожала руку Рудольфу.

— Прячься.

— Закрой глаза и сосчитай до десяти. Умеешь?

— Умею.

На всякий случай, Кая закрыла глаза ладошками и уперлась лицом в кровать. Она считала не спеша. Иногда запиналась в цифрах. Но упорно девочка продолжала подбираться к десятке. Зеленые глаза Ниты оторвались от дочери и осмотрели стены. Рудольф и правда исчез. Вопреки ее ожиданиям, охотника не было видно за сундуками или под столом. Шкаф оказался надежно закрыт. Хотя великан и без того не мог вместиться внутрь. Дверь тоже без сомнения оставалась запертой. Рудольф приложил много усилий, надежно замазав щели, дабы не впускать ледяной ветер.

Вместе с Нитой, девочка тоже внимательно изучала окружение. Ее глаза бегали по сторонам. Ушки напряженно вслушивались в каждый шорох. Как кошка на охоте, вытянув хвост, Кая кралась по ковру на носочках.

Без солнца время определялось по уменьшающимся свечам. Нита встала с кровати, оторвавшись от вязания. Впервые в жизни зверолодка столкнулась с таким понятием, как скука, и надобностью в увлечениях. Вязание не просто занимало время и оказалось приятным занятием, но являлось полезным навыком.

Расплавленный воск выливался в ведро, для будущего повторного использования. Только сейчас Нита обратила вни-

мание на прошедшие часы. Кая уже совсем растеряно заглядывала в самые мелкие щели. Будто Рудольф и правда мог поместиться за шкаф или в котел.

— Мама! — наконец сдалась девочка. — Рудольф пропал, — нижняя губа подрагивала.

— Правда? Видимо, он и действительно хорошо умеет прятаться.

— Не смешно, — серьезно топнула ножкой девочка. — А вдруг мы не найдем его? А вдруг он обиделся на меня!

— За что он мог обидеться? — Нита провела рукой по щеке дочери.

— Не знаю. Потому что не верила ему. — Кая взялась обеими ладошками за материнскую руку.

— Думаю, если ты признаешь, что проиграла спор, он появится. — Хотя Нита говорила убедительно, сама тоже ощупывала комнату в поисках охотника.

— Ладно. Рудольф! — Кая приложила ручки ко рту, создавая своего рода рупор. — Я сдаюсь, ты победил!

Раздался хриплых вздох с потолка. Кая подняла голову и ахнула. За ней последовала мать. От увиденного девочка захлопала в ладоши, разразившись звонким смехом.

Между перекладинами, подпирающими свод, расположился мужчина. Он уперся руками и ногами, удерживаясь вертикально полу. Проявляя недюжинную силу и ловкость, охотник оттолкнулся ногами и приземлился на ковер. Пол вздрогнул, угрожая провалиться прямо под отшельником.

Топая ножками, как в танце, Кая бросилась к Рудольфу, вереща.

— Как ты залез на потолок! Ты же не паук!

— Никто никогда не смотрит в верх, находясь дома, — поделился охотник.

Двойной смысл слов Рудольфа прозвучал настолько зловеще, что вдоль позвоночника девушки скользнул ледяной страх. Иногда она и забывала что сторожащий их волк являлся смертельно опасным хищником.

— Так не честно! Люди не могут ползать по потолку.

— Тогда, может, я не человек, — предположил Рудольф, согнув пальцы, как когти.

— Ты ведь мог пораниться. — Заботливо Нита стряхнула паутинку с могучего плеча. — Можно больше без таких игр?

— Хочу еще, — из вредности потребовала Кая.

— Уговор дороже денег. Давай лучше... — их разговор прервала вспышка света.

Яркое свечение лампы снаружи блеснуло в покрытом инеем окне. Кто-то бродил по лесу и прошел довольно близко от них. Волосы Ниты встали дыбом. Холодок, прокравшись в грудь и вцепившись в сердце клыками. Образы ломящихся в дверь ловцов зверолодей, вспыхнули вспышкой в сознании. Инстинктивно лиса обхватила дочь и подняла ее.

— В подвал, — только приказал Рудольф. Глаза охотника не отрывались от окна, где секунду назад мелькнул свет.

Без промедлений Нита спустилась в кладовку. Притаив-

шись среди банок она затаила дыхание. Видимо, вспомнив свою прошлую жизнь, Кая так же резко стихла. Став снова послушной и немой как кукла.

На спине рудольфа натянулась шкура медведя. Лицо скрыла маска. В своем обмундировании охотник казался еще более крупным и угрожающим. Арбалет сверкнул в руке, и отшельник скрылся в дверном проеме, стараясь сделать это как можно быстрее.

Больше всего Нита боялась, что он не вернется. Если за ними пришли люди лорда, то речь идет о тренированных головорезах. Каким бы сильным и умелым не был Рудольф. Один мужчина против десятка вооруженных громил мало на что способен. Каждый шорох заставлял сердце стучать сильнее.

— Не бойся, мамочка, — прошептала Кая, глядя мать по голове. — Рудольф сильный при сильный. Он нас защитит.

То ли всхлипнув, то ли издав смешок, Нита заглянула в глаза дочери и поцеловала ее в лоб, снова прижав к себе. Ей бы очень сейчас помогла такая детская уверенность.

Дверь хлопнула, впустив холодный порыв, ощутимый даже в подполье.

— Нита! Мне нужна помощь! — громыхнул охотник.

Высунув сначала нос и только потом всю голову, Нита показалась в комнате. Перед ней на полу у ног Рудольфа лежал старик. Его одежду полностью покрывал снег, а кожа лица оставалась неутешительно синей. Но что-то выдавало в

нем живого. Неуловимое чувство, позволяющее без сомнений понять, когда в теле еще остается дух.

— Слишком близко, — скомандовал Рудольф, когда Нита начала помогать нести тело к камину.

Зная, что он делает, Рудольф принялся снимать со старика внешнюю одежду. После сам положил бедолагу на расстоянии от огня.

— Если положить слишком близко, тепло только покалечит, — пояснил охотник уже более мягким тоном.

Беспрекословно, Нита выполняла поручения Рудольфа, внимая каждому слову. По указу она принялась кипятить воду, после принесла маленькую кожаную сумку с ремешком. Там хранились медицинские запасы отшельника. Горький опыт подсказывал Ните: внутри спрятано снадобье, способное унять злой огонь ледяных ожогов.

Нита поморщилась, видя, как Рудольф нанес пахучую смесь на два пальца и принялся обмазывать лицо и руки спасенного. От воспоминаний у нее самой заныли суставы и принялась зудеть кожа. Старик поморщился и издал слабый стон.

— Хорошо. — Рудольф комментировал свои действия. — Раз он чувствует боль, значит, руки и ноги не отмерзли до конца.

Кая все еще сидя в подвале, видимо для ощущения безопасности, внимательно следила за происходящим.

— Помоги мне. — Рудольф кивнул Ните на миску.

Поняв намек, Лиса принесла глиняную посуду с горячей водой. Рудольф сам сначала окунул пальцы, проверив температуру. Удостоверившись в пригодности, он промокнул бинты и начал обматывать раны, в местах где уже впитывалась мазь. Морщинистое лицо слегка разгладилось, перестав корчиться от боли. Руки Рудольфа действовали грубо, но эффективно. Теперь, наблюдая за работой отшельника со стороны, Нита убедилась в таланте и мастерстве охотника. Она хотела помочь, но не знала как. Потому стояла рядом, потирая руки, с хвостом обвитым вокруг ног. Рудольф игнорировал ее присутствие, пока не нуждался в помощи. То и дело он требовал долить горячей воды или подбросить веток в костер.

К ночи жизнь старика была в относительной безопасности. Осмотрев повязки, Рудольф глубоко вздохнул. Зажмурил и открыл глаза:

— Мы сделали что, могли, — заявил охотник. — Теперь остается уповать на благосклонность духов.

Убеждать Каю выйти из подвала пришлось долго. Она отказывалась оторваться от материнских рук. И долго лежала, смотря во все глаза на лежащего на полу незнакомца. Хотя девочка не хныкала и не задавала вопросов, нарушение привычного для нее покоя сказывалось на нервах. Глазки уперлись в синие губы, и каждый раз, как старик издавал хоть малейший шум, Кая вздрагивала всем телом.

В какой-то момент Рудольф сел рядом с ней на кровать и положил тяжелую руку на голову. Только когда пальцы прощлись по русым волосам, Кая немного расслабилась. Глаза стали сами собой закрываться, и скоро девочка погрузилась в сон. Пускай и тревожный, но сон.

— Спасибо, — прошептала Нита, боясь разбудить дочку.

— Ребенку не нужно видеть смерть, — угрюмо Рудольф переводил взгляд с Каи на спасенного.

— К сожалению, мы живем в мире, где дети видят смерть чаще, чем рождение. — Нита улыбнулась, следя за тем, как Рудольф продолжает держать руку на шевелюре девочки. Его большой палец инстинктивно поглаживал вдоль волос.

— Думаешь, стоило? — Хриплый голос походил на предупреждающий рык. Потемневшие глаза, хищно смотрели на подрагивающего старика.

— Стоило ли спасти немощного путника? — не веря ушам, Нита перешла на громкий шепот.

— Свидетеля. — Уточник хищник. — Допустим старик выживет, вернется домой. — Сейчас Рудольф напоминал волка, кружащего вокруг больного, решая, перегрызть ли ему глотку. — Невольно поделиться деталями о своих спасителях.

— Не смей! — предупредила Нита. Глупая фраза. Будто она имела хоть какое-то право указывать хозяину, что делать в своем доме. — Мы должны помогать другим. Таков долг каждого живого разумного существа. Человека, эльфа или

гнома.

— Даже рискуя собой? — Волк перестал скалить зубы и положил голову на землю.

— Да. Иначе и нас следовало бросить на морозе.

— То было иное.

— Чем же? — Кокетливо поинтересовалась Нита.

Вместо ответа Рудольф мельком глянул на Каю, после обратно на старика.

— На рассвете допросим, — принял решение охотник. — Там будет видно.

Опыт позволил Рудольфу четко определить, когда старик начал приходить в сознание. Он пододвинул табурет поближе, покручивая в руке нож. Возможно, в ладони гиганта охотничий тесак не казался таким большим, но на деле его лезвие легко пробивало череп волкодава. Причем Рудольф знал это по опыту. Пальцы сжимали рукоять в опасной близости к гарде, готовые в любой миг выпустить сталь для встречного удара.

Дыхание старика участилось, зрачки под веками зашевелились. Рудольф оставался внешне расслабленным, но под кожей мышцы напряглись. Веки спасенного поднялись к седым густым бровям. Облизав губы, старик проснулся и застыл, глядя на нависшую над ним фигуру.

— Доброе утро, отец, — вежливо поздоровался Рудольф. Он протянул флягу с водой. Старик благодарно принял

жидкую жизнь и жадно припал к горлышку. По подбородку пробежала струя. Напившись, все еще бледная рука с просвечивающими венами протянула обратно флягу. Рудольф принял ее и снова принялся играть с ножом.

— Спасибо тебе, сынок. — Голос старика оказался на удивление энергичным и молодым для человека его лет. — Уж думал все. Сгину в той пурге проклятой.

— Заранее прошу прощения за недоверчивость, старче, но что делал ты в лесу, зимой, в метель?

— Так ведь прошлую ночь стоял штиль, — возмутился старик, — вот и решил, пойду хворосту наберу, а то дома старуха мерзнет, а когда в следующий раз будет возможность, только богам известно. — Он присел.

Судя по голосу и движениям, чудом спасенному становилось лучше. К лицу вернулся цвет.

— А потом как начало мести, ух! Вот и заплутал я, сынок. Ночь наступила, да так темно, что хоть глаза выколи. А потом я увидел свет, начал идти на него и разглядел дом твой. А вот дойти не сумел, упал, — он развел руками.

— Откуда будешь, старче? — Лезвие сверкнуло в воздухе, когда Рудольф подбросил нож и поймал другой рукой. При желании он мог метнуть его прямо между глаз старика и попасть в яблочко. В свободное время Рудольф тренировался метать ножи в крыс и попадал шесть раз из семи.

— Есть деревня, если идти на север. Возле моста. Там еще речка такая, тоненькая, да в ней лягушек летом пруд пруди.

Сынок мой, когда мальцом был, ловил их, — улыбка появилась не только на губах, но и в глазах старика.

— Знаю такую, — согласился Рудольф.

— Слушай, сынок, — старик поправил одеяло, которым его укрыли ночью. — Понимаю я твою подозрительность. Человек, что пошел жить в чаще леса, явно не любит людей. Понимаешь, я ведь жизнью тебе обязан. Пусть духи будут моими свидетелями, никому не скажу о тебе или твоём дитя.

Последнее слово явно оказалось лишним. Рука быстро перехватила нож, лезвие свистнуло в воздухе и вонзилось рядом с рукой старца. Сам Рудольф уже оказался лицом к лицу со стариком, так что ощущал запах лечебной мази, которую втирал ему прошлой ночью.

— Кто, тебя, прислал? — растягивая слова, процедил Рудольф.

— Милок, прошу... — теперь старик начал запинаться. Былая задорность пропала из голоса. — Игрушки на полу. Я просто заметил их, вот и решил, что живешь здесь не один. Честно обещаю, если сохранишь жизнь, буду нем как мертвец.

Рудольф отпрянул от старика, провел рукой по лбу вдоль волос. Какой же он дурак. Стыдливо отведя глаза, он действительно увидел деревянные и сшитые игрушки вместе с детской одеждой, раскиданные по полу.

— Клянусь именем своего отца, все, что сказал правда, — поднял руки старик. — Не бери грех на душу, человек ты

добрый.

Тяжело вздохнув, Рудольф вытащил кинжал из пола, оставив глубокий тонкий шрам на древесине.

— Выходите, — сказал он в сторону приоткрытого подвала, откуда смотрели две пары глаз. Зеленые как изумруд и карие, блестящие медью. — Как тебя зовут, старче?

— Леопольд, — представился бедолага. — Можете звать меня Лео.

— Рудольф, — охотник пожал в знак примирения еще холодную руку, — уж извини за угрозы.

— Понимаю, — нисколько не обидевшись, кивнул Леопольд. — Нет силы страшнее, чем отец, защищающий дочь.

— У тебя чудная семья. Спасибо. — Старик благодарно принял кружку с заваренными листьями.

— Уж извините, что побеспокоил. Как только стихнет буря, сразу направлюсь домой, — пообещал Леопольд. Нита кивнула и тоже налила себе чаю.

— Лес зимой таит в себе опасность. — Нита глянула на окно, где ветер и не думал прекращать терзать кромки деревьев. — На юге таких зим не бывает вовсе.

— О да, — старик заверяющее закивал. — Я сам буду со столицы рыб. Земли Сальгарда. Если слышали о таком.

— Только мельком. Разве это не у первого побережья? — Нита выучила названия и расположение разных царств благодаря болтовне стражников. Умение читать карты счи-

талось опасным для рабов. Излишне смысленные невольники могли легко сбежать, и Нита блестяще доказала это на собственном примере.

— Его самого, — подтвердил Леопольд. — Жил бы там всю жизнь, коль не встретил мою старуху. У нее дядя владел землей, вот мы и переехали. Хотя мне грех жаловаться. Стать скотоводом после ловли крабов оказалось нехилым скачком. — Смех старика, как и голос, оставался молодым и полным сил. Нита разглядывала его, гадая, сколько ему лет на самом деле. Морщины могли быть признаком работы на солнце, а не глубокого возраста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.